

Папоркова Н. А.

ОБРАЗ ДУШИ И КАТЕГОРИЯ ВЕЧНОСТИ В ЛИРИКЕ ЛЕРМОНТОВА, АННЕНСКОГО И ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/55.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 138-140. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

4. **Милованова Л. А.** К вопросу о социокультурной и межкультурной компетенции студентов педагогического вуза // Языки и культуры народов мира в лингводидактической парадигме: Материалы международного научно-методического симпозиума. Лемпертовские чтения IX. 30-31 мая 2007 г. - Пятигорск: ПГЛУ, 2007. - С. 274-275.

5. **Хунагов Р. Д.** Глобализация и регионализация образования: единство и борьба противоположностей // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Симпозиум III: Материалы V международного конгресса 8-12 октября 2007 г. - Пятигорск: ПГЛУ, 2007. - С. 136-141.

ОБРАЗ ДУШИ И КАТЕГОРИЯ ВЕЧНОСТИ В ЛИРИКЕ ЛЕРМОНТОВА, АННЕНСКОГО И ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Папоркова Н. А.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

«К началу XX столетия стихотворное пространство общелирической ойкумены оказалось освоенным до двух крайних пределов: душевного микрокосма И. Анненского и «сияющей пустоты» Г. Иванова», - пишет поэт Л. Н. Советников. Действительно, в серебряном веке происходит предельное расширение поэтической вселенной. При этом каждый поэт воплощает какую-либо одну составляющую этой вселенной, конкретную, индивидуальную сущность. Для XIX века была характерна другая черта: художественный мир поэта представлял собой единый целостный космос. Именно таким сложным космосом является мир Лермонтова. Этот духовный феномен порождает разные векторы в творческой дифференциации серебряного века, разные грани единого космоса реализуются в отдельных поэтических мирах. Таким образом, нераздельные грани лермонтовского творчества (душевный микрокосм, возведённый в масштабы вселенной) по-разному реализуются в лирике Анненского и Георгия Иванова.

Метод «двоемирия», воспринятый символистами из романтического наследия, конечно, не является индивидуальной чертой художественного мира. Но конкретное воплощение этого метода глубоко индивидуально. Кроме трансформации романтического наследия, существует авторский стиль, круг образов и тем, в условиях которого реализуется своя концепция «двоемирия». У Лермонтова данный метод становится особой мировоззренческой моделью, которая раскрывается через взаимодействие образа души и категории вечности. Эта же черта воплощается в лирике Анненского и Георгия Иванова.

Даже в земных судьбах Лермонтова, Анненского и Георгия Иванова можно найти объединяющее обстоятельство: все три поэта были по-своему одиноки в своей эпохе и переживали отчуждение от общего течения жизни. Преемственная связь оказывается не случайной, а закономерной, и позволяет понять, насколько значимы «вечные мотивы» для поэтов разных эпох.

Экзистенциальная категория и конкретный образ взаимосвязаны отношениями двух миров, противоположность которых лишь доказывает их тождество. Космос и микрокосм - части одной Вселенной, и память вечности, всегда хранимая душой, подтверждает изначальное их родство и единство. Но другая реальность, в которую погружается душа с приходом на землю, разъединяет эти два мира. Посредником между ними остаётся память.

Приведём известные слова Д. С. Мережковского о Лермонтове: «Душа поэта обладает острейшей памятью о вечности (...). К тому, что было до рождения, дети ближе, чем взрослые. Вот почему обладает Лермонтов никогда не изменяющей ему способностью возвращаться в детство, то есть в какую-то прошлую вечную правду».

Память о вечности, будто бы уже заложенная до рождения, - мотив, особенно характерный для поэтов-романтиков, перешёл в наследство символистам. Неслучайно идеолог символизма Мережковский уделяет столь пристальное внимание этому явлению в поэзии Лермонтова [Мережковский 1991: 378-416]. Обратимся вслед за Мережковским к стихотворению «Ангел».

Конфликт внутреннего и внешнего мира заранее предопределён, поскольку душа, чуткая ко всему, от рождения ощущает себя обречённой на одиночество. Отчуждённость от «шумного», «суетного» бытия - не столько осознанный выбор, сколько заранее предначертанный путь, земной крест.

Лирическая исповедь Лермонтова, представленная в стихотворении «Ангел», не ведётся от первого лица. Она облечена в метафорическую форму. Лирическое «я» поэта не выявлено, а растворено в стихотворном пространстве. Память о вечности самим своим существованием приводит к неизбежности конфликта. Это конфликт душевного мира и внешней жизни: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

«Мир печали и слёз» не способен изменить своего бытия, душа является по отношению к нему страдательным объектом, - но не способна измениться и душа, хранящая память о другом способе бытия, который навсегда останется для неё единственно верным и близким. Таким образом, принятие земной жизни как данности, неизбежности и, в то же время, растождествление себя с миром внешним становится важнейшим аспектом в поэзии Лермонтова. Другая сторона такой мировоззренческой модели - желание покоя после смерти, как будто душа, уставшая от земных страданий, устаёт и от того постоянного раздвоения, которое приносит врождённая память о вечности: «И я крылья забвенья ловлю. / Как я душу унести бы им дал, / Как бы бросил им вечность мою!»

Каким же образом эти аспекты реализуются в творчестве Анненского и Иванова?

У Анненского вечность и земная жизнь - тоже разрозненные миры, но мир земной мучительно дорог лирическому герою. Каждое краткое мгновение, прожитое на земле, каждое пережитое чувство может стоить вечности: «О, дайте вечность мне, и вечность я отдам / За равнодушие к обидам и годам».

По Георгию Иванову, жить на земле в любом случае значит быть обречённым на испытания и страдания, на сознание собственного ничтожества в сравнении с вечностью, как бы эта жизнь ни начиналась, каких бы ни давала торжественных обещаний: «Бедные люди» - пример тавтологии. / Кем это сказано? Может быть, мной».

Рассмотрим теперь в отдельности каждую из двух различных концепций сквозь лейтмотив лермонтовского «Ангела».

Возьмём второй и четвёртый катрены из стихотворения Анненского «Листы» (опубликовано впервые в сборнике «Тихие песни», который Анненский издал в 1904 г. Под псевдонимом Ник. Т-о):

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца, и нет начала
Тебе, тоскующее я?

Мотив кружения, полёта, надземного расположения в пространстве звучит в этих строфах иначе, чем в стихотворении Лермонтова, но имеет такое же метафорическое значение: образа человеческой души во времени и пространстве.

У Лермонтова представлен этап бытия от рождения до момента определения своего места в мире, но, несмотря на употребление глагольных форм прошедшего времени («И долго на свете томилась она...»), - не до предела существования. У Анненского образуется замкнутый круг бытия: кружение души в мировом пространстве, подобно осенним листьям, - до рождения, в земной жизни и после смерти: «И нет конца, и нет начала / Тебе, тоскующее я?»

Данная мысль высказана поэтом как предположение, вопрос, не ожидающий точного ответа. Память души здесь - память кружащегося листа, бесконечное повторение собственной жизни в вечности, нахождение между небом и землёй (неопределённость, невоплощённость смысла жизни).

Вообще, для лирики Анненского характерен мотив узнавания («Смычок и струны»: «О, как давно! Сквозь эту тьму / Скажи одно: ты та ли, та ли?»; «Перед закатом»: «Чтобы сердце, сны былые / Узнавая, трепетало...» и т.д.). В то же время, характерен и мотив *неузнавания*, внезапной утраты прежнего, истинного и вечного образа (снова «Смычок и струны»: «Касаться скрипки столько лет / И не узнать при свете струны...»; «Зимнее небо»: «Я не думал, что месяц так мал / И что тучи так дымно-далёки...» и т. д.).

Именно в том и заключается память души в его интерпретации: душа одновременно и помнит, и не помнит о вечности, переживает и чувство предела, и предчувствие бесконечности. Разлад происходит не между душою и миром, а *внутри самой души* - возникает вопрос: что ближе для неё в этой жизни - вечное или преходящее, которое, может быть, не меньше прекрасно, чем вечное? Едва ли не большинство стихотворений Анненского заканчивается вопросом. Вопрос - форма размышления в его художественном мире, форма бытия.

В эмигрантской лирике Иванова встречается даже мотив смерти души. Этот мотив символизирует крушение привычной жизни, утрату веры и надежды, безвыходное пребывание в беспросветности.

Во время всей жизни в земном воплощении душа хранит память эпохи, память своего прошлого и прошлого исторического. Этот мотив встречается у Иванова очень часто и особенно ярко, на наш взгляд, проявляется в стихотворениях, вошедших в сборники, изданные после «Вереска» («Розы», «Сады», «Портрет без сходства» и др.).

Даже вечная жизнь в лирике Иванова по-своему трагична, потому что она выше земного мира, а значит, обречена в бездействии наблюдать страдание и смерть:

Расстреливают палачи
Невинных в мировой ночи -
Не обращай вниманья!

Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

(«Лунатик в пустоту глядит...»).

Концепция «двоемирия» в данном случае представляет собой не конфликтную ситуацию, а сложное восприятие двойственности мира: противостояния вечного торжества и трагедии земной жизни:

Всё другое - только музыка,
Отраженье, колдовство -
Или синее, холодное,
Бесконечное, бесплодное
Мировое торжество.

(«Над закатами и розами...»).

Продолжая сопоставление, приведём полностью стихотворение из сборника «Портрет без сходства». По образному решению оно вызывает явную ассоциацию с лермонтовским «Ангелом»:

Тихим вечером в тихом саду
Облака отражались в пруду.

Ангел нёс в бесконечность звезду
И её уронил над прудом...
И стоит заколоченный дом,
И молчит заболоченный пруд,
Скоро в нём и лягушки умрут.

И лежишь на болотистом дне
Ты, сиявшая мне в вышине.

Образ-символ звезды - традиционное воплощение вечности, надмирного существования и постоянства, недоступного земной жизни. Лермонтовский Ангел нёс в объятиях «душу младую» «для мира печали и слёз», а у Георгия Иванова «Ангел нёс в бесконечность звезду». То же космическое начало, тот же мотив торжества вечности, управляющей земными судьбами, мотив таинства (нести младую душу в мир и звезду в бесконечность - особое, сакральное действие, порученное Ангелу высшими силами)... И вдруг - снижение, приближение к земной действительности: «заколоченный дом», «заболоченный пруд», в котором скоро «и лягушки умрут», «болотистое дно» - последняя пристань звезды, сиявшей всему миру и лирическому герою стихотворения...

Ангел не смог выполнить своей миссии, звезда не достигла бесконечности - он просто «её уронил над прудом», совершенно нечаянно, как мог бы уронить свою ношу человек. Здесь ещё не идёт речь о «горестном нигилизме» Иванова в полной мере (определение, данное Юрием Иваском), но есть горестная ирония, будто бы спокойное принятие трагической сущности жизни. Жизнь человека заранее обречена «коснуться праха», которого «не хотят коснуться» «нежные листы» в стихотворении Анненского.

В итоге, общим для поэтов является то, что через взаимодействие категории вечности и образа души, сквозь мотив памяти, в их творчестве реализуется индивидуальная концепция «двоемирия», складывается особый духовно-метафизический комплекс. Но значение этих образов и категорий, а так же способ их взаимодействия различны. У Лермонтова «двоемирие» проявляется через конфликт небесной и земной жизни души, а в итоге - через конфликт действительности и вечного идеала. У Анненского - в безысходности и безначальности существования, как земного, так и вечного. У Георгия Иванова - в противопоставлении хрупкой человеческой жизни и надмирного бытия, равнодушного к земным страданиям и счастью.

Список использованной литературы

1. **Адамович Г. В.** Иннокентий Анненский // Адамович Г. Избранные статьи. - М., 2005.
2. **Андреев Д. Л.** Роза Мира. - М., 1995.
3. **Андроников И. Л.** Лермонтов: исследования и находки. - М., 1997.
4. **Анненский И. Ф.** Избранные произведения. - Л., 1988.
5. **Арьев А.** Сквозь мировое уродство. О лирике Георгия Иванова // Звезда. - 1995. - С. 174-180.
6. **Витковский Е. В.** Жизнь, которая мне снилась. О творчестве Георгия Иванова. - М., 1994.
7. **Гаспаров Б. М.** Литературные лейтмотивы. - М., 1994. - С. 301.
8. **Ефимов И.** Жемчужина страданья. Лермонтов глазами русских философов // Новый мир. - 2002. - № 7. - С. 189-196.
9. **Захаров В.** Предвосхищение. Молитвенная память. К 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. - М., 2004.
10. **Иванов Г. В.** Белая лира: Стихотворения. - М., 1996.
11. **Иванов Г. В.** Стихотворения. - М., 2002.
12. **Колобаева Л. А.** Проблема личности в литературе XX века. - М., 1984. - С. 165.
13. **Кравцов К. П.** Георгий Иванов // Русская поэзия XX века в контексте православной культуры. - Ярославль, 2005.
14. **Кушнер А. С.** Среди людей, которые не слышат (О поэзии Анненского И. Ф.) // Новый мир. - 1997. - № 12. - С. 192-205.
15. **Лермонтов М. Ю.** Лирика. - М., 2006.
16. **Мандельштам А.** Серебряный век. Русские судьбы. - СПб., 1996.
17. **Меламед И. С.** В чёрном раю: Стихи, переводы, статьи. - М., 1998.
18. **Мережковский Д. С.** Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. - М., 1991. - С. 378-416.